З. Османова

Мирзо Пурсун-заде

1961
СЕРИЯ VI
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЗНАНИЕ
ЛИТЕРАТУРА и ИСКУССТВО
8

SHOUT
SHARE
IT

- ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ
  -
  - Советы лектору
  - Литература
    - Основные издания произведений Мирзо Турсун-заде в переводах на русский язык
    - О творчестве Мирзо Турсун-заде (на русском языке)
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ
З. ОСМАНОВА

МИРЗО ТУРСУН-ЗАДЕ
(Очерк творчества)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
Москва 1961

Много я путешествовал в жизни моей,
Много видел я стран, городов и морей.

Возникает земля из лазурной дали,
Но различные свойства у каждой земли.

И любой человек вспоминает порой
Край, им виденный, схожий с прекрасной весной,

Что горит, пробиваясь, как солнечный луч
Из-за черных — в полете разорванных туч.

И с людьми того края такой человек
Узы дружбы в душе сохраняет навек.

Потому и жива о вас память моя,
О, оставшиеся за горами друзья!

Строки эти, передающие пленительное очарование индийской земли и обращенные к ее народу, принадлежат Мирзо Турсун-заде.

Имя этого видного советского поэта и общественного деятеля приобрело широкую популярность в конце сороковых годов, когда появились тоненькие книжки его стихотворений, посвященных Индии. Вспоминая теперь об этом первом всенародном признании таланта поэта и перечитывая произведения, которые были

написаны спустя несколько лет и принесли Мирзо Турсун-заде высокое звание лауреата Ленинской премии, ясно видишь главную особенность его творчества. Она — в обостренном чувстве современности, которое, говоря словами Степана Щипачева, «не заменить никаким стилистическим блеском». Ощущение того, что стихи поэта написаны «о времени и о себе», не покидает читателя ни тогда, когда он знакомится с первыми сборниками его стихотворений и рассказов, относящихся к бурным годам первых пятилеток, ни при чтении поэм и поэтических циклов, отмеченных зрелостью политической мысли и незаурядным мастерством, запечатлевающих эру пробуждения к национальной независимости народов Африки и Азии, величественную эпоху борьбы за мир и саженьи шаги его родного народа, поднявшегося из темноты и рабства в преддверие коммунистического завтра.

Поэзия Мирзо Турсун-заде пленяет проникновенным лиризмом и публицистическим пафосом. Лиризм и эпичность, высокая патетика и романтика далеких путешествий, близость к фольклорным истокам и верность реалистической правде характеров, традиции искусства ювелирно тонкого и глубокого, присущего великим классикам родной литературы — Рудаки и Фирдоуси, Саади и Хайяму, Хафизу и Камалу Худжанди, — вот из каких сложных компонентов складывается творческая индивидуальность таджикского поэта, у которого при этом можно найти много общего и с творчеством его старших современников — Лахути и Пайрава Сулаймони и с поэзией Маяковского и Тихонова, Твардовского и Исаковского.

Обозревая творческий путь таджикского поэта, который в 1961 году отмечает свое пятидесятилетие, можно сказать, что всеми своими произведениями, даже повествующими о прошлом, он рассказывает о том великом и неповторимом времени, в котором живут в братской семье советских народов таджики, рассказывает о себе, о своей судьбе, в которой отразилась судьба его народа.

* * *

Мирзо Турсун-заде родился в 1911 году в селении Каратаг, расположенном в Гиссарской долине, в последние годы правления жестокого бухарского эмира Олим-хона. Отец будущего поэта, неграмотный деревенский плотник, мечтал дать сыну образование. «Мне дали имя Мирзо, что значит писарь, — вспоминает в своей автобиографии поэт. — Так называли людей

только грамотных. Это имя было почетным». Но мечта отца смогла осуществиться в полной мере только тогда, когда первые советские школы широко распахнули свои двери перед детьми таджикских тружеников. Такая школа была открыта и в Каратаге. Не довольствуясь полученными там знаниями, Мирзо уходит пешком в город Дюшамбе — будущую столицу молодой советской республики Сталинабад, поступает в школу-интернат, а затем с группой других способных учеников уезжает в Ташкент, чтобы завершить свое образование в Таджикском институте просвещения. В конце 1930 года Мирзо Турсун-заде, досрочно окончив институт, направляется ЦК ЛКСМ Таджикистана на работу в редакцию молодежной газеты «Комсомоли Тоджикистон» («Комсомолец Таджикистана»). С этого времени и начинается путь поэта. Турсун-заде мало чем выделялся тогда среди своих сверстников — молодых таджикских поэтов и писателей, судьба которых сложилась почти так же, как и у него, — Миршакара Уруг-зода, Дехоти и других. Начало тридцатых годов совпадает для них с поисками своего стиля, своего места в литературе.

В те годы таджикская литература, так же как и другие советские литературы, переживала период становления как литература социалистического реализма. Появлялись новые поэтические жанры. С. Айни печатал первые главы своего эпического романа «Рабы», повсюду народ распевал революционные песни Лахути, заложившего основы таджикской социалистической поэзии, возникала национальная драматургия.

Революционный энтузиазм, массовость, укрепление многосторонних творческих связей с писателями братских республик — вот характерные черты таджикской литературы начала тридцатых годов.

Это было время, когда, по образному выражению поэта В. Луговского, «кровавый Вахш», «река басмачей», была схвачена «пятерней плотин». Последние тяжелые кровопролитные бои с остатками басмаческих банд бросали багровый отсвет на молодую литературу.

Турсун-заде много ездит по стране, участвует в сооружении крупнейших строек, превращающих его республику из отсталой окраины царской России в передовую аграрно-индустриальную республику.

Не сразу определился творческий облик Турсун-заде. Он пробует свои силы в различных жанрах. Пишет очерки, рассказы, стихи, участвует в создании коллективного поэтического произведения «Вода жизни», авторами которого помимо Турсун-заде были С. Айни, А. Дехоти, Х. Юсуфи; в соавторстве с поэтом А. Дехоти создает либретто первых национальных опер и

музыкальных драм «Восстание Восе», «Тахир и Зухра» и т. д. В то время темпы создания поэтических произведений как будто спорили с могучими темпами социалистического строительства. Молодые поэты, часто не думая о художественном совершенстве, стремились поскорее написать, напечатать, донести до комсомольского активиста, находящегося в горах Памира, рабочего, прокладывающего уникальные автострады или возводящего плотины на бурных горных реках, взволновавшие до глубины души впечатления, передать размах социалистического строительства, поведать о пробуждении древней земли, раскрывающей «большевикам пустыни и весны» свои богатства.

«Телеграммой лети строка» — этот поэтический призыв Маяковского, прозвучавший со страниц его Октябрьской поэмы «Хорошо», нашел отклик во всей советской многонациональной поэзии. В Таджикистане он был подхвачен Пайравом Сулаймони в его стихотворении «Радостная весть с Вахшстроя» и в поэтической «Корреспонденции» А. Лахути; он был услышан и Турсун-заде, который как бы по эстафете передал этот пафос новой жизни в коротких летящих строках своей юношеской поэмы «Варзобстрой» (1933 г.). Новый мир, новый человек — строитель этого мира — вот что становится уже тогда главной темой творчества Турсун-заде. Его юношеской поэзии был присущ яркий весенний колорит. Перечитывая первые сборники его рассказов и стихотворений — «Знамя победы», «Золотая Линия» и другие, мы то и дело встречаемся с такими образами и олицетворениями, порою вынесенными в заглавие стиха, порою повторяющимися в самом его тексте, как «На рассвете», «Весна», «Навстречу весне», «К солнцу», «Золотая земля», «Расцветает», «Таджикистан подобен букету цветов» и т. д. Образы «Чаманистона» — «цветущей страны», солнца, как символа счастья, являются центральными в его поэзии тридцатых годов.

Однако это по-юношески непосредственное чувство радости, изумления перед неповторимой красотой трудового подвига и созидания постепенно окрашивается другими оттенками, обогащается пониманием серьезности жизненных конфликтов и противоречий. В его поэзию входят традиционные для таджикской революционной литературы противопоставления светлого настоящего трагически мрачному прошлому.

С осенью отождествляет поэт прошлое своего народа, рассказывая о горестной участи шестнадцатилетней красавицы Ра'но, которая умерла в ханском дворце, не выдержав надругательства над своей девичьей честью. Весной называет он новую жизнь свободной таджички, самостоятельно распоряжающейся своей судьбой. (Поэма «Осень и весна».

1937 г.).

Образы знатных таджикских колхозниц Угулой и Мамлакат (поэмы «Осень и Весна», «Солнце Мамлакат»), молодого ученого Хуршеда из пьесы «Приговор», активно борющегося с проявлениями буржуазно-националистической идеологии, и образ легендарного вождя народного восстания в Бальджуане — крестьянина Восе — вот главные герои произведений Мирзо Турсун-заде, созданные им в первое десятилетие литературного труда.

Конечно, не все идейно-эстетические задачи, стоявшие тогда перед таджикскими литераторами, были решены в творчестве молодого поэта. Он очень часто оказывался в плену неумело, по-ученически воспринимаемых образов классической поэзии, абстрактность и риторика были нередкими спутниками его восторженной лиры. Но уже тогда активная общественная позиция поэта, его упорная работа над овладением богатствами таджикского фольклора и поэзии классиков родной литературы, стремление отразить в своем творчестве насущные нужды народа явились залогом его будущих творческих успехов.

В известном смысле переломными для творчества Турсун-заде явились годы Великой Отечественной войны. Напряженный темп жизни, ответственность за судьбы народа и Родины ощущались им так же, как и всеми советскими писателями. Поездки по республикам и городам Средней Азии, выступления на антифашистских митингах перед бойцами, отправлявшимися на фронт, активное участие во фронтовой и республиканской печати и Окнах Таджикта — все это самым благотворным образом сказывалось на творчестве Турсун-заде.

Именно в это время им были написаны такие значительные его произведения, как поэма «Сын Родины», стихотворения «Никогда», «Таджикский богатырь» (посвященное старшему сержанту снайперу таджику Тешабою Одилову), «Памяти капитана Гастелло» и ряд других.

Все органичнее входят в его стихотворения темы пролетарского интернационализма и патриотизма. Чувство единства исторических судеб всех народов Советского Союза становится все глубже и отчетливее, оно выражается уже не только в пафосных декламационных восклицаниях и риторических выражениях, но и придает какие-то новые оттенки лирическому и эпическому началам поэзии Турсун-заде. Так, например, в поэме «Сын Родины», которая написана в лирико-драматическом жанре, это чувство советского интернационализма раскрывается в ряде конкретных, жизненных эпизодов. Кодир, герой поэмы, в бою спасает от смерти украинца Миколу,

раненому затем Кодиру возвращает зрение русский врач и т. д. Патриотизм Кодира проявляется не только в том, что он добровольно, по зову сердца становится солдатом в первые же дни войны, но и в том, что, едва окрепнув после тяжелого ранения, он снова, как и тысячи советских бойцов, уходит на фронт защищать, отвоевывать у врага землю России, деревни и города Украины, бороться за них с такой же самоотверженностью, как если бы ему пришлось драться на земле своих отцов.

В этом произведении Турсун-заде так же, как и в ранних его стихах и поэмах, явственно ощущается связь и с фольклорно-песенной и с литературной традициями. Сказываются эти традиции прежде всего в обильно представленных здесь литературно-книжных и устно поэтических ассоциациях и приемах. Как это можно было наблюдать в некоторых поэмах-притчах А. Лахути («Максиму Горькому», «Витязь Мир», «Мардистан» и другие), поэма Турсун-заде начинается с назидания старика-отца. В первых же строках поэмы возникают легендарные образы благородных героев Фархада и Меджнуна, ставших нравственным критерием народного характера. Им противостоят хитроумные и коварные Хосров и Зохак. Враг сравнивается то с чудовищем (аждар и аждаха), то с хитрой лисой, то с потомками Зохака[1]; герои — с воинственным и доблестным орлом или эпическим героем Рустамом. Авторская речь, как и слова персонажей поэмы, пересыпана народными изречениями и пословицами. Удачно используются в поэме различные метафорические олицетворения сил природы, которые помогают выявить романтическое настроение героя, его торжественно приподнятое душевное состояние. В тот момент, когда он, прощаясь с родными местами, уходит на фронт, со словами напутствия обращаются к нему реки, горы, цветущие поля хлопчатника. Они желают Кодиру, чтобы мысли его были так же прозрачны, как вода горных рек, и чисты, как снег, лежащий на горах. Особенно охотно и часто прибегает Турсун-заде к параллелизмам, благодаря которым любовь героя и его невесты приобретает в поэме нежную поэтичность и одухотворенность:

И лишь двоих среди идущих нет,
Лишь двух влюбленных потерялся след.
Двух капель не дочтешь средь волн речных,
Два сокола отбились от других.

Но среди удачных сравнений и сопоставлений, придающих истинно национальный колорит произведению, попадаются и

такие, которые врываются резким, безвкусным диссонансом в художественную ткань поэмы. Это происходит тогда, когда в одном произведении сталкиваются понятия и представления прошлых времен с приметами современности, с явлениями и чертами социалистического быта и новых взаимоотношений людей: «Когда скрылась от взгляда дня пламеннолицая счастливая невеста (т. е. попросту говоря, когда зашло солнце. — *З. О.*), зажегся свет лампочек Ильича и осветил улицы деревни…».

Подобные художественные просчеты свидетельствовали о том, как сложно проходил для поэта процесс овладения художественным мастерством, в то время заметно отставшим от быстрого его идейного развития.

Война, разрушения, смерть многих близких и друзей придали новое содержание, новый глубокий смысл гуманизму поэта, антивоенному и антиимпериалистическому пафосу его стихов. Углубляется его представление о народе как о творце истории. В одном из первых послевоенных стихотворений он пишет о труде, преобразующем жизнь, о народе, единственном хранителе «бесценных сокровищ земных недр», поэзии и родников творчества.

Годами ты спала, о, горная страна,
Храня сокровища Таджикистана.
И птица, над тобой скользнувши, как стрела,
Замерзнув, падала. И вновь недвижна тайна.

По-прежнему в горах метелица да лед.
«Пролетом голубей» одну из гор прозвали,
Но даже голубям не по крылу полет
Над пиком тех вершин, где боги пировали.

Я с детства наблюдал, как с горных ледников
Как бы срывались водопады;
Охотники не шли на свой звериный лов,
Пугали их твои косматые громады.

Сама весна — и та у ног твоих цвела,
Боясь увидеть блеск морозного кинжала.
Тебе одна лишь смерть подругою была —
Но все живое от тебя бежало.

И вдруг великий Труд воззвал тебя от сна!
Людские голоса в твоих запели недрах, —
И стала ты другой, угрюмая страна,

Товарищ дорогой, а не заклятый недруг.

Есть что-то от Кремля в зубцах твоих вершин.
Вторично создан мир, он крепнет неустанно.
Так помоги же мне, добытый здесь рубин,
Окрасить песнь мою в зарю Таджикистана!

Стихотворение «Хранителю сокровищ» написано в 1946 году. Добытый таджикским рабочим в горах Бадахшана рубин словно придал песням Турсун-заде новые краски. Горячий патриот, никогда ничего не предпочитавший слову «Родина», как он горячо и искренне сказал об этом в стихотворении «Никогда» (1942), Турсун-заде становится патриотом угнетенных и обездоленных народов стран зарубежного Востока, певцом их страданий, надежд и стремлений.

Чем самостоятельнее делаются его художественные поиски, чем шире кругозор, чем полнее его творчество сливается с лучшими тенденциями советской и прогрессивной зарубежной литературы, тем все более ценным становится вклад поэта в культуру и литературу своего народа и тем самым в культуру народов других стран. Послевоенные поэтические циклы «Индийская баллада», «Я со свободного Востока», «Голос Азии», в которых нашли свое выражение широта взгляда и мудрость советского общественного деятеля, интернационализм и подлинная народность, знаменовали начало нового этапа в развитии таджикской поэзии, явились новым завоеванием советской многонациональной литературы.

В 1947 году председатель правления Союза советских писателей Таджикистана Мирзо Турсун-заде[2] в составе советской делегации едет в Индию на Первую конференцию стран Азии, которая состоялась в Дели.

Индия в тот период только что после двухсотлетнего английского владычества вступила на путь независимости. Следы господства колонизаторов были слишком свежи, раны, нанесенные индийскому народу, еще кровоточили. Раздел Индии в 1947 году на два доминиона — Индию и Пакистан — сопровождался жестокими столкновениями между индусами и мусульманами, усиленно подогреваемыми Лондоном. Впечатления от поездки были настолько сильны и ярки, что не написать, не рассказать об увиденном было нельзя.

В сентябре 1947 года публикуются первые стихи знаменитого индийского цикла Мирзо Турсун-заде. Переведенные на русский язык С. Липкиным, В. Державиным и другими советскими

переводчиками — они были затем переведены и на многие языки Советского Союза и ряда зарубежных стран, найдя отклики и в Индии. Поэт был удостоен Сталинской премии, награжден орденом Ленина.

Все прошлое Турсун-заде было постепенным и медленным накоплением опыта и постижением искусства народной поэтики, фольклорных и литературных источников и образцов. Он любил и ценил стихию народной песни, мудрость, заключенную в четверостишиях и афоризмах, любовно собирал их и упорно шлифовал свой вкус алмазной твердостью и чистотой устной поэзии таджиков. Она учила его чувствовать силу мечты человека, постигать сокровенные чаяния народа, понимать его эстетические потребности, симпатии и антипатии. Он узнавал, какие великие творения классиков прошлых веков переходили со страниц, исписанных искуснейшими каллиграфами, рукописей в песни хафизов и рави и прочно оседали в памяти неграмотных дехкан, мир которых, казалось, был навсегда ограничен, огорожен серо-желтым глинобитным дувалом, сливавшимся цветом своим с безбрежными песками пустынь.

Родниковая чистота фольклора и любовь к Родине научили поэта понимать жизнь других народов, понимать их искусство.

Но у Турсун-заде были перед глазами и иные примеры, Абулькасим Лахути и Пайрав Сулаймони первые в таджикской литературе создали образцы гражданской лирики, в которой зазвенели голоса зарубежных друзей. Один из Ирана и Турции, другой из Афганистана и Ирана привезли достоверные знания о жизни этих стран, рассказали о трагедии неравенства, нищеты, искусственно разжигаемой национальной розни.

Стихотворения Лахути «Сожженная нива», «В Калькутте», «Смерть революционера», «Не в Иран ли мчишься, ветерок», «Иранскому крестьянину», «Единение», произведения Пайрава «Таджикская республика и пролетарская Таджикская печать», «Два похода», «Дело рук твоих», «Сидящему на троне (Вице-королю Индии)», «Индостан» могут быть признаны прямыми литературными предшественниками индийских стихов Турсун-заде, его поэм «Голос Азии», «Седая девушка» и стихотворений из цикла «Я со свободного Востока».

После окончания второй мировой войны колониальная система империализма оказалась прорванной в нескольких своих звеньях. Новый мощный подъем национально-освободительного движения заставил отступить империалистов Англии, Франции, Америки, Голландии. Одна за другой обретали государственную независимость и самостоятельность бывшие колонии. Антиимпериалистические, антифеодальные и антимонархические

движения вспыхнули на Арабском Востоке, в Иране, в глубинах африканского континента. Под влиянием этих событий, под влиянием все растущего международного авторитета и силы социалистического лагеря, возглавляемого Советским Союзом, пробуждалось и росло классовое и национальное самосознание самых угнетенных, самых бесправных в прошлом рабов империализма.

Еще в двадцатые годы Пайрав Сулаймони говорил, противопоставляя устремления империалистических держав и молодой страны социализма: «Мы хотим открыть для народов земли по-новому яркий мир…»[3]. К тому времени, когда Турсун-заде написал свои индийские стихи, этот новый, яркий и справедливый мир был не только «открыт», но и отвоеван. Он устоял перед тяжкими испытаниями, выдержал многочисленные натиски врагов и стал великой опорой народов, борющихся за национальную и социальную свободу на всем земном шаре. Турсун-заде — живому свидетелю грандиозных событий суждено было отразить и запечатлеть их в своих произведениях. Своим пафосом, своим содержанием они были созвучны голосам молодых литераторов Азии и Африки, отвечали на животрепещущие вопросы, возникавшие в их произведениях, помогая бороться, различать врагов, указывая единственно верный и проверенный путь к свободе.

Когда читаешь, например, стихотворения мозамбикского поэта Лилинью Микайи, кажется, что именно на его страстный, настойчивый призыв отвечал своими произведениями Турсун-заде. Лилинью Микайя обращается к брату «из далекой страны снежных пейзажей или из края сияющих птиц южных земель», он настойчиво требует:

Иди, мой брат,
Иди по дорогам всех горизонтов.
Иди и неси мой крик,
Спой на языке своего народа
Песню моих страданий!

В моей стране,
На земле, родившей меня,
На мозамбикской земле,
Раскинувшейся на берегу
Индийского океана,
такого же древнего,
как она сама.
Черный человек —

и вчера
и сегодня —
все еще раб,
раб,
раб![4]

И Турсун-заде действительно спел на языке своего народа, на таджикском языке песню страданий угнетенных народов, ищущих пути к свободе, и был услышан ими, как были услышаны за рубежом русский поэт Николай Тихонов, узбекский писатель Шараф Рашидов и поэты Азербайджана, Украины, Белоруссии, Казахстана, своими глазами видевшие порабощенный Восток. В «Индийской балладе» Турсун-заде рассказал о тяжком унижении людей, принадлежавших к касте неприкасаемых, он поведал о жадности «заморского гостя», который

Просто Индии на шею сел
И все прибрал к рукам, что захотел.
Взял шелк и хлопок, обездолил край,
У земледельца отнял урожай;
Взял шкуры тигров, бивни у слонов.
Лепешку вырвал из голодных ртов;
Кровь у народа высосал из жил,
Двойным ярмом мильоны придушил…
В стране богатых, сказочных охот
Он дичью для себя избрал народ…

Поэт рассказал о священном для индусов величественном Ганге, как бы затаившем в волнах своих скорбь народа. Он рассказал о древнем и вечно юном очаровании индийского искусства, о покоряющей стихии танца, о силе поэзии и величии памятников архитектуры. Но нищ и бесправен был народ, их создавший.

Правда самой жизни подсказала поэту действенный и наиболее художественно верный в данном случае прием изображения — прием резкого, контрастного, многопланового противопоставления. Но если бы эти противопоставления только подчеркивали контрасты между жизнью в нашей стране и за рубежом, поэту легко было бы впасть в риторику, повторить других.

Турсун-заде обнажает противоречия самой жизни в странах зарубежного Востока: волшебно мастерство Тара-Чандри, но горька ее судьба, она и царица, и раба; великолепен висячий сад в

Бомбее, но его изумительно сказочное отражение в воде разбивает американский крейсер; и весна не в состоянии оживить загубленного мертвого сада; Индия — страна чудес, роскошной природы, но тяжела доля заброшенного нуждой на чужбину афганского мальчика, вынужденного счищать пыль с сапог белых сахибов; горящие глаза изможденных тружеников и самодовольство, ленивая сытость и ничем не оправданная жестокость «власть имущих»…

Социальная тема, доминируя во всех стихотворениях этого цикла, нигде не переходит в сухую дидактику и догматизм, в пропагандистский ораторский прием именно потому, что стихи поэта пронизаны высоким гуманизмом, чувством искренней дружбы, выраженными с большим художественным тактом.

В обрамлении эффектных и красочных описаний индийских пейзажей возникает образ страдающего народа, в борьбе которого поэт видит единственный путь к будущему страны.

Поэт ищет литературные аналогии, которые бы свидетельствовали в пользу дружбы народов. Когда в стихотворении «Тара-Чандри» возникают образы таджикского поэта Бедиля (XVII в.), крупнейшего представителя так называемого индийского стиля в таджикской поэзии, и героев его поэмы «Ирфон» («Божественное познание») певца Модана и танцовщицы Комде — они воспринимаются читателем как подлинно поэтическое откровение:

О ты, индус, и ты, таджик,
Вы, чьи сердца как две свечи!
Бедиль сгорел на том огне,
Что как два солнца горячи.
И я, когда в твоем краю увидел осени печать,
Меж блеклых рощ и цветников
Следы Комде пошел искать.
Чуть улеглась дневная пыль
На стихшей улице твоей,
Искал я дверь во двор Комде
Иль хоть бы признак ступеней…

В этом стихотворении бессмертным образам Бедиля посвящено всего несколько строк. Они воспринимаются как стихотворение в стихотворении, как вставная новелла, художественная функция которой состоит в том, чтобы связать прошлое с настоящим, чтобы лаконично напомнить о традиционных связях искусств народов Индии и Средней Азии. Но как бы тенью промелькнувший образ легендарной

романтической любви помог Турсун-заде добиться значительного художественного, эмоционального эффекта, способствуя органической слитности публицистического и лирического начал. Лучшие стихи индийского цикла глубоко лиричны по своему образному строю, по форме, по настроению, но вместе с тем в них постоянно ощущается биение политической мысли, они обдают горячим дыханием современности, а мироощущение лирического героя находится под постоянным воздействием действительности с ее острыми противоречиями и конфликтами.

Зрение и восприятие лирического героя Турсун-заде становятся острее, а его ум восприимчивее оттого, что он смотрит на жизнь другого народа глазами советского гражданина, глазами друга, который появился в чужой стране, как «первая волна весны»:

Я счастлив, но мучаюсь мукой другого народа,
Он в собственном доме стоит словно нищий у входа.
В далекую Индию песня моя полети, —
Я верю, я знаю, что ты из крылатого рода!
Индусское сердце приветом и лаской обрадуй,
Ты губ опаленных коснись долгожданной прохладой,
Дыхание правды всегда до народа дойдет,
Высокие горы для правды не станут преградой!

Стихи Турсун-заде рассказывают народам зарубежного Востока правду о Советском народе, рассказывают горячо, страстно. И также поэтически ярко и темпераментно раскрыли эти стихи народам Советского Союза правду о многих сторонах жизни Индии, Пакистана, Ирана.

Есть заметная разница между первой и второй частями индийского цикла стихотворений Турсун-заде, хотя их разделяет промежуток времени меньше чем в два года. За это время поэт снова побывал за рубежом: в апреле 1949 года в Париже в качестве советского делегата Всемирного конгресса мира, в ноябре 1949 года — с делегацией советских писателей в Пакистане. Во второй цикл входят стихи «Шляпа профессора Ахведиани», «Мой тост», «Две дороги» и другие.

В этих стихах меньше лирических отступлений, пленяющих воображение читателя описаний экзотических индийских пейзажей. Эмоциональность передачи здесь приглушена более строгим, реалистическим письмом. В лучших стихотворениях второй части цикла — «Путешественник по Индии» и «Две дороги» — изображение вопиющих социальных контрастов приобретает еще большую поэтическую силу и убедительность.

Да и сама тема судьбы народа в условиях феодально-колониальной эксплуатации раскрыта здесь с еще большей глубиной и еще более беспощадной правдой.

В ряду лучших произведений Мирзо Турсун-заде, развивающих и обогащающих идейно-художественные тенденции, проявившиеся в индийском цикле, находится поэма «Голос Азии» (1957). В этой поэме запечатлен новый размах героической борьбы народов Африки и Азии за свою независимость, за освобождение «от ига грубого меркантилизма, жестокого грабежа и омерзительного расизма, которые характерны для режима, установленного белыми колонизаторами»[5]. Величавой эпичностью и высокой патетикой отличается рассказ об этой борьбе, о победах, одержанных народами Китая, Индии, арабских стран, Африки.

Глубокое понимание поэтом исторических закономерностей борьбы народов Азии и Африки нашло свое отражение в выразительной художественной форме.

Так же как и многие другие произведения Турсун-заде, эта его поэма строится на противопоставлениях. Но насколько глубже и значительнее становится самый характер противопоставляемых явлений! Насколько богаче и масштабнее становится мышление поэта, насколько интереснее и многообразнее делается метафорический язык его образов и исторических ассоциаций!

Поэтом найдены запоминающиеся красочные детали, раскрывающие прошлое и настоящее народов Китая, Индии, Бирмы, Индонезии, Египта. В поэме звучат мужественные гордые голоса пробудившихся к свободе народов, от их имени лирический герой поэмы громко заявляет о том, что

Сын Востока теперь не позволит,
Чтобы сад его грабил пришелец…

В лирико-публицистических отступлениях он раскрывает то главное, ради чего поднялись народы Востока на борьбу и что делает их движение победоносным. И это главное — естественное право на жизнь, задавленную, смятую сапогом империализма:

Ради жизни свой голос возвысил
Весь Восток вдохновеньем объятый,
Ради жизни мечтали о встрече
Люди разных воззрений, наречий.
Ради жизни несли индианки
На ладонях зажженные свечи.
Ради жизни в кадильницах ярких

Благовонно курилось алоэ.
Ради жизни звенели напевы,
Где с грядущим сливалось былое…

Торжество жизни, разума и воли над насилием и угнетением, мощно звучащее в неудержимо нарастающем ритме поэмы, придает ей такую мужественную мажорную тональность.

Заново переосмысливается поэтом значение древних символов жизни и веры. Он говорит о том, что в душах людей нет больше места смирению и покорности ни таинственным силам природы, ни казавшемуся незыблемым порядку вещей. В этом произведении голоса народов зарубежного Востока сливаются с голосами их советских друзей, пример которых помогает им бороться за счастливую жизнь.

Ради жизни и индийские дети
Принесли нам игрушки с цветами, —
Защищайте, — сказали нам, — детство,
Ведь ребятами были вы сами!

В поэме «Голос Азии» раскрывается высокий гуманизм советского человека, для которого понятия патриотизма и интернационализма нерасторжимы и святы. Ведь именно потому, что поэт умел слушать звуки родной земли, понимать думы своего народа, он так хорошо постиг мечты и чаяния других народов Востока:

Я беседовал с Нилом и Гангом,
Речь Востока навеки близка мне,
Слушал пахоты мягкое сердце,
Слушал сердце суровое камня,
Слушал речку — певунью, плясунью,
Слушал я изумрудное чудо,
Это было в гиссарском селенье,
О друзья, к вам пришел я оттуда!

Значение поэмы Турсун-заде состоит еще и в том, что поэт сумел эмоционально передать пафос борьбы народов Азии, нарастающую мощь их голоса, твердость их поступи. В чеканных строках поэмы читателю передается ощущение неизбежности их победы над империализмом:

Но такой мы не ведаем силы,
Нет ее и не будет в природе,
Что растопчет и волю и душу
Тех, кто страстно стремится к свободе.
Поднимается новая сила,
Плещет влага от Ганга до Нила,
Это Азии кровь забурлила,
Каждой капелькой заговорила.

В самом зачине, в первых же строках поэмы возникает образ океана, штормовой бури, рокот грохочущих волн — с ними отождествляется пробуждение Азии. И недаром поэма уже сейчас переведена на английский, французский, испанский, немецкий, китайский, польский и другие языки мира. Один африканец назвал «Голос Азии» книгой о гроздьях гнева, которые зреют в сердцах народов Азии и Африки.

Всенародное признание получила эта поэма в нашей стране. В знаменательный день девяностолетия со дня рождения Владимира Ильича Ленина Мирзо Турсун-заде за сборник стихов и поэм «Голос Азии» и поэму «Хасан-арбакеш» был удостоен почетного звания лауреата Ленинской премии.

* * *

Но несмотря на то, что произведения на зарубежную тему заняли столь значительное место в творчестве Турсун-заде, они не заслонили, собой другой магистральной темы его поэзии — жизни Советского Таджикистана.

В пятидесятые годы Мирзо Турсун-заде выступает с новым циклом стихотворений «На земле таджикской». Хотя стихотворения этого цикла отражают повседневную жизнь республики, трудовые будни колхозников, строителей дорог и ирригаторов, садоводов и партийных работников, поэт и здесь остается верен своей излюбленной теме — прославлению интернационализма и братства народов.

Эпиграфом к этому циклу, пожалуй, могут быть поставлены строки одного из его стихотворений:

Сердце друга всегда ты насытишь рассказом,
Если все в том рассказе увидено глазом.

Все, о чем повествует поэт, увидено, подмечено его

проницательным зорким взглядом человека, кровно заинтересованного в процветании жизни его народа, взглядом художника, у которого жажда творчества и прилив вдохновения возникают не только при известии о запуске космического корабля, но и при виде школы-новостройки в далеком горном кишлаке, нового сада, заложенного на бывшем пустыре, нового сорта хлопчатника, выведенного народными селекционерами, веселой свадьбы, сыгранной в семье друга… Вот в Таджикистане заложены первые плантации лимонных деревьев, золотистые плоды которых были до сих пор дорогим подарком, привезенным с другого конца земли. Для поэта это событие становится символом труда, сплачивающего людей разных национальностей, разрушающим былые перегородки, символом «великого братства»:

За собою оставил пахучий лимон
Перевалы и реки, и даль побережий,
Поселился у нас черноморец приезжий,
Навсегда он таджиками усыновлен.

Он обрел свое место над вахшской водой,
Снова чует отцовскую ласку народа.
Познавая любовь и язык садовода,
Он увидел: вся родина — сад золотой,
Он кавказец, в отечество наше влюбленный…
С нашим хлопком таджикским пусть дружат лимоны!

Плоды, вызревающие на землях, орошенных водою таджикских рек, под лучами горячего таджикского солнца — это одно из вещественных проявлений дерзновенной мечты народа, перестраивающего, переделывающего жизнь, покоряющего стихию. В стихотворении «Праздник на берегу Сыр-Дарьи», посвященном строителям Каракумского канала, Мирзо Турсунзаде пишет о своенравной реке:

…Все на своем пути сокрушила волна Сыр-Дарьи,
Горы пробив, расплескалась в песках, в забытьи,
Но покорилась народу,
и воды свои
Новым садам и посевам она понесла;
Душу имела бы —
душу бы нам отдала…

Советский человек, его неиссякаемая энергия — вот то главное, что занимает ум и сердце поэта, что заставляет звенеть струны его души. Одно из наиболее глубоких его произведений, написанных на эту тему, — стихотворение «Ночь секретаря райкома». Только об одной ночи рядового партии рассказывает Турсун-заде, но сколько глубокого смысла заключено в описании этой ночи, наступившей после целого дня забот и волнений! Бодрствует ночью секретарь, до зари не гаснет в его окошке свет настольной лампы, выхватывающий из темноты то страницу недочитанной книги, то исписанные листки с мыслями о будущем или деловыми заметками о том, что предстоит сделать утром… Чувство нерасторжимой связи с народом, естественная потребность быть всегда начеку, быть в ответе за все, что бы ни случилось с людьми, среди которых он живет, со всей страной, делает этого человека уверенным и сильным:

Он видел в успехах таджикских дехкан
Республики светлое завтра —
Им труд по душе и кетмень по рукам,
И в этом их сила и правда.

От этих успехов он шире в груди,
Смелее расправлены плечи.
И партия знает, что сын впереди,
Что стал он от трудностей крепче.

Поэтому сон без труда побежден
И время ему подчинилось,
Поэтому весело бодрствует он,
На месте он, что б ни случилось.

. . . . . .
Заря хлопкоробов уже подняла,
И, может быть, с этого мига
Им начаты снова дневные дела,
До ночи отложена книга.

Дальнейшее свое развитие тема нового человека получила в поэме «Хасан-арбакеш» (1954), непосредственно примыкающей всем строем мыслей, чувств и художественно-изобразительных средств к упомянутым циклам стихотворений. Главный герой поэмы — это современник поэта, человек, перешагнувший из мрачного прошлого в светлое настоящее,

В этой поэме Турсун-заде рассказывает о трудной, и порою

мучительно трудной, внутренней перестройке рядового труженика, о постепенном освобождении его сознания от мелкособственнических инстинктов и пережитков прошлого. Она повествует о том, как новое властно врывается в жизнь человека, как невиданная раньше техника, неслыханные прежде отношения между людьми, реальные, а не фантастические перспективы счастья рушат его узкий (а ему казалось, независимый) мирок, созданный в свое время как призрачное средство защиты от произвола и эксплуатации баев, как слабый, но все же заслон от покушений сильных мира сего на достоинство и гордость человека труда.

Видно, не случайно поэт сделал героем своей поэмы арбакеша. Садриддин Айни в «Воспоминаниях» рассказывает о том, что в дореволюционной Бухаре существовало общество конюхов и арбакешей, порядки в котором были значительно свободолюбивее, чем в других ремесленных объединениях. «А конюхи и арбакеши Фейзабада своей смелостью, своеволием, непримиримостью и свободолюбием превосходили остальных конюхов Бухары». Не от этих ли файзабадских арбакешей и унаследовал герой поэмы свой вольнолюбивый и неукротимый нрав? Впрочем, сам автор объясняет, почему так полюбился ему образ этого человека:

Высоко чтилось звание арбакеш
В горах, в долинах, у простых людей…

Ведь в то время, к которому относится начало поэмы, железная дорога доходила только до Термеза, «с арбой в те трудные года всего Гиссара связана была судьба». Арбакеш перевозил людей, грузы. Больше других видел и слышал.

Герой поэмы Хасан — бывший батрак, пришел в одно из таких ремесленных объединений арбакешей незадолго до революции. Из табуна хозяина он увел своего любимого коня, возмечтав таким путем начать независимое существование. Не переменил он своей профессии и тогда, когда восставший народ сверг эмира и взял власть в свои руки. Главная черта в характере Хасана — его преданность своей профессии, в которой он видел не только источник существования, но и единственный смысл жизни и, что неизмеримо важнее, единственную, с огромным трудом доставшуюся возможность сохранить свою независимость. И он, рьяно и честно трудясь для народа уже в новое время, в первые годы социалистического строительства, никак не может внутренне примириться ни с появлением машин, оттесняющих арбу все дальше и дальше, на трудные горные дороги, ни с

новыми отношениями коллективизма, все более проникающими во все сферы жизни.

Поэт уделяет большое внимание раскрытию внутреннего мира своего героя, пристально следит за его поведением в различных обстоятельствах, не скрывает от читателя его раздумий, противоречивости его настроений и мыслей, его борьбы с самим собой и окружающими его близкими людьми. Именно поэтому образ Хасана получился художественно правдивым и удивительно живым. Автор любит своего героя. И в то же время совершенно безжалостен к нему. Он откровенно любуется его дерзостью, отвагой, неуемной силой и неутомимым трудолюбием и в то же время не упускает случая подтрунить над его мальчишеской заносчивостью и самоуверенностью:

Он думал — ни одна земная тварь
С его конем сравниться б не могла,
А перегнать арбу его — едва ль
Посильная задача для орла.

«Как встану на свои оглобли я,
Да крикну, да помчусь во весь опор, —
Мой богатырский конь, арба моя
Раздвинут тесные объятья гор!..»

Хасан умеет и постоять за себя и ответить острым словом всем обидчикам и насмешникам. Он самолюбив и горяч, честен и упрям. И добродушно посмеиваясь над своим героем, поэт нет-нет да и вставит где-то между строк фразу или эпизод, не только оправдывающие тот или иной поступок Хасана, но и представляющие его трудную и порой опасную работу незаметным, будничным, необходимым трудовым подвигом.

И дело, конечно, не в том, что арбакеш бросает в конце концов арбу, сдает коня в колхозный табун, обучается грамоте и становится шофером. Все эти внешние события жизни Хасана становятся лишь поводом для того, чтобы показать его нравственное прозрение, возмужание его характера, расширение его умственного кругозора.

Как же происходит этот сложный процесс? Поэт заставляет своих читателей внимательно следить за перипетиями душевной борьбы Хасана. Он показывает, как постепенно накапливались в его душе чувства неудовлетворенности и досады, которые вначале вызывались частностями: колкостями Садаф, его возлюбленной; брюзжанием случайных пассажиров, которых ему приходилось перевозить на далекие расстояния и которые с

радостью предпочли бы арбу и коня Хасана обыкновенному грузовику; ядовитыми насмешками прежних друзей, давно сменивших поводья на руль трактора или автомашины и засевших за учебники.

Но с каждым годом противоречия между его жизнью и жизнью народа становятся все острее, а чувство неудовлетворенности самим собой все возрастает. Хасан, почти всегда находясь наедине со своей арбой да конем, долго не может справиться с этим чувством, не знает, как ему изменить свою судьбу. И знаменательная встреча с недавним прошлым помогла ему обрести себя, бесповоротно придти к новому. Кульминационный момент в жизни Хасана наступил тогда, когда у самой границы, на глухом и безлюдном берегу Пянджа спекулянт мукой предложил арбакешу перевезти товар, а заодно и самому переправиться за границу. И вот:

Все, что терпел он, бурно прорвалось.
Он вспомнил детство рабское свое,
Жестокость бая, нищую семью,
Голодное холодное житье,
Отца и мать несчастную свою…

Когда б не новый справедливый строй,
Он не имел бы лошади с арбой,
И жизнь его прошла б, как горький дым
И был бы светлый мир ему тюрьмой.

Его высоко нагруженный воз
Стал вдруг ареной яростной борьбы,
Схватил он спекулянта как пришлось
И на землю спихнул его с арбы.

Он сбросил на него мешки с мукой
И плюнул. И пришел в себя потом.
«Дворец луны» объехав стороной,
Погнал коня неезженным путем…

На двухколесной древности своей
Он степи знойные пересекал.
Качаясь на коне среди степей,
О многом по дороге размышлял…

И к Вахшу он приехал прямиком.
Аробщика работа не страшит.

В народной стройке там своим трудом
Участье принял он от всей души.

Жизнь на Вахше захватила его. Хасану открылись поистине величественные перспективы преобразования всего старого уклада жизни, он понял, что неисчерпаемы силы народа. И работа на этой первой всенародной стройке подсказала ему единственно правильный и единственно возможный путь к новой жизни. Помогло этому и письмо Садаф, которая успела получить высшее образование и стать учительницей. Хасан отправляется в город, садится за книги. И вот по дороге, бегущей каменной лентой, спешит грузовик, «рука Хасана на его руле»:

Подруга дорогая рядом с ним.
Он весел. Для его счастливых глаз
Мир не был никогда еще таким
Прекрасным, величавым, как сейчас.

Величье это видел он в себе,
И в блеске черных глаз Садаф своей,
И в песне сердца, и в своей судьбе,
И в ветерке сияющих степей…

Его душа настежь открылась солнцу, свету, радости творческого труда, сердце забилось ощущением близости к своей любимой, жизнь с которой означала конец одиночеству, нелюдимости и замкнутости:

Гиссарская долина синевой
Соперничала с небом за спиной,
А впереди, в заре, широкий Вахш
Горел, вскипая желтою волной.

Хасан свою машину вел туда,
Где льется величавая река.
А на дороге, по его следам,
Лишь пыль взлетала, тая, в облаках.

У «Хасана-арбакеша» нет предшественников ни в творчестве самого Турсун-заде, ни в творчестве других таджикских поэтов. И как далеко ушел он от первой своей поэмы «Осень и весна». Риторика сменилась живыми, полными юмора и афористической

меткости диалогами, эмоциональными лирическими отступлениями. Реалистические зарисовки быта, характеров людей, обстановки и условий их жизни пришли на смену восторженной описательности, декларативности суждений и оценок. Чего стоит, например, живописная картина въезда Хасана в старый город, которым открывается поэма. Свойственное поэту и раньше любование природой теперь стало строже и предметнее, не потеряв при этом своей непосредственности и живости. Пейзаж в этой поэме более органично связан и с внутренним состоянием лирического героя, и с настроениями главного персонажа — Хасана.

Изменилась ритмическая и строфическая организация стиха поэта. Тогда как предыдущие поэмы Турсун-заде были написаны классической парной рифмой, эта поэма состоит вся из четырехстрочных строф с перекрестной рифмой. Много нового внесла эта поэма и в развитие эпических жанров таджикской поэзии, обогатив их многоступенчатым сюжетом, композиционной слаженностью, позволившей уложить в сравнительно небольшую по количеству строк поэму события нескольких лет. Поэт отступает здесь и от традиционных для таджикской поэзии художественно-изобразительных средств и жанровых особенностей — притчи, легенды, от цитирования классиков, т. е. от тех широко известных приемов, которыми в течение длительного времени пользовались многие таджикские поэты, развивая и обогащая их современным мироощущением, новым содержанием.

Но если у Турсун-заде не оказалось в данном случае предшественников, то у него появились прямые последователи, которым его поэма открыла возможности для новых творческих решений и новые пути к реалистическому отображению современности. Одним это произведение помогало освоить лирико-автобиографическую тему и показать через личную судьбу характерные черты своего поколения, как это сделали Гафор Мирзо в поэме «Асрор» (1957) или М. Миршакар в поэме «Ленин на Памире»; другим — прославить величие труда в рассказе о формировании характера молодого поколения советских рабочих, бывших учащихся ремесленных училищ и техникумов, уже не знавших той жизни, того сурового детства, которые выпали на долю Хасана и его автора, как это сделал молодой таджикский поэт Абду-Малик Бахори в первом своем крупном произведении — повести в стихах «Вступление в жизнь» (1959).

И, пожалуй, значение поэмы Мирзо Турсун-заде больше всего и определяется плодотворностью того нового для таджикской

поэзии направления, начало которому было положено рассказом о судьбе аробщика Хасана.

В 1956 году Мирзо Турсун-заде закончил новое произведение — «Вечный свет», знаменующее собой дальнейшее развитие лиро-эпического начала в творчестве поэта.

Композиционная структура ее довольно интересна. Поэма состоит из четырех частей, носящих отвлеченно-символические названия: 1. Ожидание; 2. Первая встреча; 3. Вторая встреча; 4. В саду. Вся поэма пронизана предчувствием «великого свершения». Ожиданием его наполнены строки первой части, в которой поэтично передано ощущение непрекращающейся ни на минуту жизни природы, ассоциирующейся в сознании автора с творческим вдохновением и горением. Из этого лирико-философского плана тема волнующего ожидания как бы перемещается в бытовую плоскость. На рассвете у порога родильного дома поэт ждет известия о рождении ребенка.

Первая встреча — это встреча прекрасным весенним утром с только что родившимся сыном. Напряженное ночное ожидание разрешается первым криком младенца.

А лирический герой поэмы готовится к новой встрече. Он спешит на вокзал, где с волнением ждет прибытия поезда, на котором должен приехать «Великий устод» — мудрый наставник, глубоко чтимый Садриддин Айни. Свидание с ним предваряется рассказом о его многострадальной жизни в эмирской Бухаре и размышлениями о судьбах Азии, об исторической роли России в пробуждении ее народов. Это вторая встреча поэта в тот день. Любопытная деталь. Поэма написана почти спустя два года после кончины Айни (он умер 15 июля 1954 года). Вместе с тем читателя не покидает ощущение того, что речь идет все время о живом Айни, писателе, общественном деятеле, ученом, о его живом и непререкаемом нравственном авторитете, о его все возрастающем творческом влиянии на ныне здравствующих писателей. И как бы нарушенная логическая и сюжетная связь между второй и третьей частями, между встречей с новорожденным и встречей с преклонных лет мудрецом восстанавливается в следующей, четвертой части, в которой поэт воспроизводит атмосферу своей последней беседы с Айни.

Эта беседа происходит в весеннем саду, напоенном ароматом распускающихся цветов и наливающихся соками плодов. В неторопливо текущем монологе престарелый писатель, поздравляя молодого отца, щедро раскрывает перед ним сокровища своего сердца и ума, свое миропонимание, свое представление о назначении человека и советует достойно воспитать сына:

Ты человека с деревом сравни.

Цветя на солнце, зреет в добрый час,
Ни засухи, ни ветра не страшась.

Чем больше у него в земле корней,
Тем человек красивей и сильней.

Когда с бедой ты хочешь бой вести,
Ты корни в почву Родины пусти.

Тогда хорошим будешь ты отцом,
Когда ты сына вырастишь борцом.

Тогда ты в сыне возродишься вновь,
Когда зажжешь в нем к Родине любовь…

…Пускай твой сын поймет, — где старый враг,
Пускай твой сын развеет этот мрак,

Пускай поможет он друзьям в беде,
Пускай он искрой искрится везде,

Пускай повсюда он ломает гнет —
И свет его в попутчики возьмет.

Сын для народа — память об отце.
Свет будущего — на его лице.

Образ Айни — центральный образ поэмы — приобретает значение символа. В его судьбе автор видит судьбу всей. Азии, и не только Советской Азии. В его прошлом, в его детстве, отрочестве и юности отражены вся жестокость и средневековое мракобесие, олицетворением которых еще сорок лет тому назад был бухарский эмират. Наступившая вслед за его разгромом эпоха социализма создала условия, необходимые для полного развития творческой личности, поэтому голос Айни, вступившего в школу Октября сорокалетним писателем, стал голосом народов Азии, а его произведения, по мысли поэта, — воплощением их судьбы, их трудного пути от рабства и средневековья к социализму и коммунизму. В словах поэта о старце, чья душа полна надежды, а путь чист подобно снежной белизне его седин, о старце, который внемлет голосам Азии и сам стал голосом ее

сердца, заключено предвидение будущего народов, которые еще не освободились от гнета и социального неравенства, но которые уже твердо встали на путь борьбы с ними.

Турсун-заде в «Вечном свете» добивается четкой типизации явлений современной, жизни. Одна из главных тем его послевоенного творчества — тема зарубежного Востока, обогащается в этой поэме новыми аспектами выражения.

Если прежде лирический герой поэта оценивал жизнь народов зарубежного Востока с точки зрения исторического опыта советского человека, то теперь рассказ о прошлом и настоящем своего народа обогатился историческим опытом и пониманием жизни других народов. Снова и снова в поэме возникает мотив ожидания. В лирических отступлениях, сопровождающих монолог Айни, поэт рассказывает о том «вечном свете», в мечте о котором жил раньше таджикский народ. Для народа, для таких его представителей, как Айни, ожидание света, надежда на лучшее будущее, пути к которому он мучительно искал, нередко скрашивались лучами нетленной поэзии:

То этим светом был Омар Хайям,
То Саади пылал огнем строки,
То пламенел певучий Рудаки…

Все бóльшим идейно-эстетическим и философским содержанием наполняется само понятие «света», «вечного света», «немеркнущего света», «долгожданного света», которое повторяется в различных сочетаниях в тексте поэмы. «Вечный свет» — это свет, зажженный новой жизнью. Он олицетворяет радость человека, разделившего свою судьбу с народом.

Своеобразное завершение получает в этой поэме и разработка лирической темы «цветущей земли», которая, как мы это отмечали выше, была присуща раннему творчеству Турсун-заде. От несколько абстрактной трактовки этой темы поэт постепенно, от поэмы к поэме, от стихотворения к стихотворению, приходит к образу-обобщению, развитие которого захватывает в свою орбиту и понятия патриотизма, и интернационализма, и революционного гуманизма.

Но, пожалуй, с наибольшей силой дает себя почувствовать лирическое начало творчества Турсун-заде в его последней поэме «Моя дорогая». По форме своей эта поэма — лирический монолог, обращенный поэтом к своей жене, которую он ласково и нежно называет «джони ширин» — «моя дорогая». Она начинается как трогательное объяснение с любимой, которую поэт просит извинить за частые отлучки из дому, за невнимание к детям,

которых ему случается не видеть месяцами:

Дорогая моя, не сердись на меня,
Неповинного мужа напрасно браня…

Но вот, незаметно для читателя это объяснение из интимно-лирического русла переливается в другое, туда, где все ощутимее, все громче звучат страстные голоса друзей поэта, друзей его народа. То это голос убеленного сединами русского поэта Николая Тихонова, с которым исхожено и изъезжено немало дорог; то это голос афганского горца, приютившего застигнутых непогодой гостей из России на Дуабе; то это чернокожий посланец Анголы на празднике Рудаки в Сталинабаде, то пламенный патриот Пакистана поэт Фаиз Ахмад Фаиз… И по мере того, как поэт знакомит читателя все с новыми и новыми друзьями, обретенными им в далеких путешествиях, меняется содержание центрального образа поэмы, образа «его дорогой».

Еще и теперь в поэзии многих стран Востока образ возлюбленной отождествляется с образом Родины, свободы. Эта традиция несомненно близка таджикскому поэту. Вот как представляет он нам Фаиза Ахмада Фаиза:

Помнишь, был в нашем доме писатель Фаиз,
Чьи стихи, как нежданные звезды зажглись,

Он сидел у тебя, мало вымолвил слов,
Но не слишком усердно он кушал твой плов,

Слушал вежливо то, что сосед говорил,
Он сидел у тебя и курил и курил…

Но когда оживленный зашел разговор
Про его Пакистан и про город Лахор,

Загорелся Фаиз, как дрова, как трава,
Точно искры взвились огневые слова,

Он метался от боли, утратив покой,
Рвался к свету и воле пенджабской рекой…

Ради правды покинув родные края,
Он отчизне твердит: «Дорогая моя!..»

Разве он, как и я, на чужой стороне

Не тоскует о детях, о милой жене?

Для него Пакистан — это дети его,
И тревожит их плач на рассвете его…

«Дорогая моя» — для пакистанского поэта это образ его Родины. В стихотворении из сборника «Руки ветра» («Мысль моя о тебе…») Фаиз Ахмад Фаиз писал, обращаясь к любимой отчизне:

Дни друг друга сменяют — идет то один, то другой,
Новый вечер приходит, а я все в разлуке с тобой.

Сердцу грезится — только померкнет окошко тюрьмы —
На кудрях твоих свадебный звездный наряд.
А коль цепи мои засверкают, я знаю тогда —
То лицо твое, щеки твои от восхода горят…

И для Турсун-заде это уже не только образ подруги, матери его детей, но образ родной таджикской земли, Советской Родины. На первый взгляд может показаться, что и заключительные строки поэмы тоже обращены только к любимой:

Дорогая моя, мы с тобою вдвоем
В молодые года создавали наш дом.
Посмотри же, он светит светлей с каждым днем,
Потому что в нем больше друзей с каждым днем.
Посмотри же, он выше и шире теперь,
Посмотри же, простого таджика семья
С миром правды слилась, дорогая моя!

Но разве в строках «мы с тобою вдвоем в молодые года создавали наш дом» отражено и запечатлено только узко личное воспоминание? Разве только один дом поэта светлеет от присутствия новых друзей? Ведь на этом доме лежит отсвет того счастья, которым живет весь советский народ, а с миром правды слилась не только «простого таджика семья», но и дружная семья всех народов Советского Союза. Так, строки, казалось бы, пронизанные личными интимными переживаниями, зазвучали как глубокие поэтические обобщения.

Новая поэма Турсун-заде по своей форме является едва ли не самым традиционным произведением поэта. Она не изумляет читателя необычностью, оригинальностью выразительных средств

и прихотливостью ритмического рисунка, не ошеломляет его слух новизной рифм. Происходит удивительное явление. Начав с ломки таджикского стиха, подражая в своих новаторских поисках Маяковскому, поэт с годами все глубже проникает в стихию классической поэтики, все чаще отдает предпочтение ее строгим и чистым формам. Глубоким лирическим чувством, теплом человеческих взаимоотношений, задушевной интонацией захватывает читателя поэма «Моя дорогая».

Главная тема, всего послевоенного творчества Турсун-заде — тема дружбы и братства народов мира, борьбы с колониализмом и империализмом — выражается здесь не в заостренно-публицистической манере, как это было, скажем, в «Голосе Азии», не в эпически спокойном повествовании «Вечного света», а раскрывается в чистоте и богатстве внутреннего мира лирического героя поэмы. В этом и заключается эстетическое значение нового произведения таджикского поэта для его родной литературы.

* * *

Мирзо Турсун-заде, председателю Советского комитета солидарности со странами Азии и Африки, предстоят новые путешествия, зарубежные друзья ждут его к себе в гости, ждут, чтобы он поведал людям об их жизни, о растущем чувстве братской любви и дружбы к народам великого Советского Союза.

И сейчас, когда почти полтора миллиарда людей вырвалось из колониального рабства, когда национально-освободительное движение в странах Африки, Азии, Латинской Америки «наносит все нарастающие удары по империализму, помогает укреплению мира, способствует ускорению развития человечества по пути социального прогресса» (Хрущев), голос таджикского поэта эхом отдается в сердцах людей, мужественно и смело идущих к своему будущему по единственно верной дороге:

…то дорога доверья народов, великой идеи,
Что и атомных планов, и атомной бомбы сильнее,

И на этой дороге становишься ты исполином,
И ведет она к близким, святым коммунизма вершинам.

Нет надежды иной, нет пути у народов иного, —
Та дорога всего человечества — цвета земного.

Советы лектору

Лекцию о творчестве Мирзо Турсун-заде можно построить не только по плану, предлагаемому в настоящей брошюре. Тем, кому захотелось бы подробнее рассказать о детстве и юности поэта, мы рекомендуем обратиться к книге «Автобиографии советских писателей» (т. II, М. 1959) и прочитать одну из ранних поэм Турсун-заде «Гиссарская долина», которая по своему содержанию является автобиографическим произведением.

Чтобы лекция о творчестве поэта прошла интересно, живо, лекторы и пропагандисты советской литературы могли бы использовать не только статьи, непосредственно посвященные творчеству Турсун-заде (мы их здесь называем), но и привлечь дополнительные материалы, характеризующие советскую поэзию Таджикистана и творчество таких ее выдающихся мастеров, как Абулькасим Лахути, Мирсаид Миршакар, Абдусалом Дехоти и других. Правильно ориентироваться в этом поможет «Очерк истории таджикской советской литературы» (ч. I, Сталинабад, 1955).

Показать своеобразие творческого облика таджикского поэта можно и привлекая стихотворения, посвященные зарубежному Востоку, русских поэтов Николая Тихонова и Алексея Суркова, казахского лирика Абдильды Тажибаева, украинских поэтов Андрея Малышко и Ярослава Шпорты, узбекского поэта Мамарасула Бабаева и многих других представителей братских советских литератур, с которыми произведения Мирзо Турсун-заде имеют и много общего и вместе с тем отличаются неповторимой интонацией, необычайной красочностью, образностью.

Увлекательный рассказ о творчестве поэта мог бы получиться и тогда, когда лектор вместе со своими слушателями проследит за маршрутом зарубежных поездок Турсун-заде, расскажет подробнее о тех странах, в которых довелось побывать поэту, приведет несколько ярких фактов из истории их культуры и литературы. Нашими издательствами выпущены в хороших переводах сборники современной поэзии Индии, Ирана, Пакистана (например, выпущенная Гослитиздатом книжка стихов пакистанского поэта Фаиза Ахмада Фаиза «Руки ветра»), ряда арабских стран, стихи поэтов Африки. В журнале «Азия и Африка сегодня» публикуются статьи и обзоры о национально-освободительном движении в странах Азии и Африки, материалы которых помогут ощутить живую связь поэта с современной действительностью. О контактах нашего поэта с деятелями

культуры Востока расскажут и материалы ташкентской конференции писателей стран Азии и Африки, проходившей в сентябре — октябре 1958 года, и сообщения о деятельности Советского комитета солидарности со странами Азии и Африки (см. например, журн. «Современный Восток», 1960, №12), широко освещенные в советской печати.

Литература

Основные издания произведений Мирзо Турсун-заде в переводах на русский язык

Турсун-заде Мирзо. Избранное. Сталинабад. 1949.
Стихи. М. «Советский писатель». 1949.
Стихи об Индии. М. Гослитиздат. 1949.
Законы братства. М. «Советский писатель». 1953.
Мир победит войну. Статьи и речи. Сталинабад. 1950.
Избранное. Стихи и поэмы. М. Гослитиздат. 1957.
Хасан-арбакеш. Поэма. Изд-во «Правда». М. 1957.
Голос Азии. М. «Молодая гвардия». 1957.
Голос Азии. Стихи и поэмы. Сталинабад. 1957.
Дорогая моя. Поэма. Журн. «Огонек», 1960, №3, стр. 22—23.
«Жизнь и литература». Доклад председателя правления Союза советских писателей Таджикистана Мирзо Турсун-заде на IV съезде Союза советских писателей Таджикистана. Сталинабад. 1959.

О творчестве Мирзо Турсун-заде (на русском языке)

Брагинский И. С. Мирзо Турсун-заде и его творческий путь. В кн.: Мирзо Турсун-заде. Стихи. М. «Советский писатель». 1949.

Тальман Р. О., *Явич М. М.* Мирзо Турсун-заде — лауреат Сталинской премии. Библиографический указатель. Сталинабад. 1953.

Бабаев Ю. Поиски новых художественных решений. Журн. «Дружба народов», 1957, №4.

Фофанова М. Мирзо Турсун-заде. Литературный портрет. Альманах «Гулистон», 1959, №1.

Зелинский К. Певец революционного Востока (Мирзо Турсун-заде. «Хасан-арбакеш»). Журн. «Дружба народов», 1960, №3.

Кондратович А. Голос свободной Азии. Журн. «Новый мир», 1960, №5,

Макаров А. Сердце с правдой вдвоем. Журн. «Знамя», 1960, №3.

Османова З. Правда жизни. «Коммунист Таджикистана», 1960, 17 марта.

notes

Примечания

1

Зохак — в классической литературе — символ тирана, чужеземца-завоевателя. По преданию, из плеч Зохака росли змеи, которых нужно было кормить человеческим мозгом.

2

Председателем правления СП Таджикистана Турсун-заде избирается в сентябре 1946 года и остается на этом посту до настоящего времени.

3

Пайрав Сулаймони. Избранное, стр. 58.

Лилинью Микайя. Песня истинной любви. Стихи, стр. 29. М. 1959. Переводы с португальского Лидии Некрасовой.

5

Из предисловия д-ра Уильяма Дюбуа к английскому изданию книги. *У. Э. Хантона* «Судьбы Африки», стр. 5, ИВЛ. 1959.